

ОЛЕГ ОХАПКИН

В среде пустот

ПАЛЪМИРА

Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 881.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
О92

*Составление и предисловие
Татьяны Ковальковой-Охапкиной*

Охапкин О.

О92 В среде пустот : [стихотворения ; поэмы] / Олег Охапкин. — М.; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 254 с. — (Серия «Часть речи»).

Олег Охапкин (1944–2008) — один из самых активных деятелей «второй культуры» 1970–1980-х годов, прославивший духовным лидером ленинградского андерграунда, идеолог концепции «Бронзового века» русской литературы. В этот сборник вошли избранные произведения поэта, пронизанные христианским мировоззрением и уходящие корнями в XVIII век, вдохновленные образами Петербурга, имперским величием и божественным предназначением России.

УДК 881.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Охапкин О. А., наследники, 2020
© Ковалькова-Охапкина Т. И.,
составление, предисловие, 2020
© Оформление.
Т8 Издательские Технологии, 2020

ISBN 978-5-517-01781-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если обобщить многочисленные свидетельства друзей-современников Олега Охапкина о его личности, то складывается образ могучей птицы с мощными крыльями, способной на высокое и длительное парение.

«Олег, я слушаю Вас и — не поверите — явственно вижу, как у Вас за спиной вырастают крылья!» — сказал Д. Я. Дар после поэтического чтения двадцативосьмилетнего Охапкина.

«В начале 70-х годов, после отъезда Бродского, Охапкин — один из самых влиятельных поэтов Ленинграда. Его стихи распространяются в списках. Его поэзия переживает взлёт. К нему тянутся молодые авторы. Это связано и с направленностью его творчества, где всё отчётливей обозначается религиозная тема, и с харизматическим воздействием его личности, его человеческого примера — примера героического стояния перед безличной силой окружающей нас казённости», — напишет о нём Виктор Кривулин в 1989 году.

«Незадолго до его смерти, я видела Олега по французскому телевидению. Шла передача о «Второй» культуре. Показывали питерскую психушку. Не секрет, что испытание отечественной психиатрией страшнее холода, голода, даже тюрьмы. Олег — это русский Антонен Арто — выглядел всё таким же богатырём. Не замечались ни обшарпанные стены, ни бедное убранство „палаты № 6”. Побеждали фигура, лицо и голос Охапкина. Он как будто восседал на троне, читал свои последние, очень светлые стихи. И я вспомнила слова Майстера Экхарта: „Бес ничем не отличается от ангела, кроме одного: если бес находится в раю, ему кажется, что он —

в аду, а у ангела всё наоборот: если он в аду, ему кажется, что он в раю”», — свидетельствует Татьяна Горичева.

Вокруг личности Олега Охапкина в ближнем круге сложился определённый миф. История рождения — первая в нём глава. Он сам рассказывал друзьям эту историю, усвоенную из семейного предания. Речь шла о предсказании отца Иоанна Кронштадского о том, что в самый лютый год родится в Петрограде младенец ангельской красоты, который возвестит слово Божие впавшему в грех русскому народу. Его воспитательница Евдокия Ивановна Горшкова (из-за болезни матери она помогала бабушке растить двоих детей) по обстоятельствам рождения Олега опознала в нём «такого» младенца. Она была в том кругу почитателей отца Иоанна, который называли иоаннитами, но не радикального его крыла (радикалы «дорогого батюшку» поставили в центр своей духовной системы, отодвинув Христа). Она была человеком, который мог ориентироваться в реальности Церкви, находящейся в несвободном положении, разбиралась в старчестве. С ней Олег в детстве и отрочестве посещал монастыри, где ещё оставались старцы. Таким образом, это была реалистично мыслящая христианка, которая о предназначении своего ангельски прекрасного воспитанника из бедной семьи высказывалась предположительно и благоговейно. Вот эта благоговейная интонация, которая так чужда людям вне Церкви, при сюжетном пересказе этой истории и была утрачена. Как раз без этой интонации её изложил Д. Я. Дар в 1978 году в статье «Ленинград. Судьба. Поэт». Впоследствии пересказанная на разный лад она приобрела мифологический характер. Отголоски этого мифа доходили и до идеологических инстанций. А там уже держали ухо востро: как бы через этот миф не пробилось «хтоническое» досоветское прошлое, которое через религию заползает в понятное и светлое советское настоящее, пробуждая хаос «донаучного сознания». Вполне естественно, что при таком чувственном восприятии предложенных Охапкиным текстов, вероятность увидеть их в печати была невелика. Редакторов толстых журналов в 60-е годы раздражало многократное употребление слова «душа». Тогда как в «подполье юности червлёной» всё было возможно.

В своём развитии миф включал в себя и историю первого юношеского бунта: похищение на коммунальной кухне куска жареного мяса со сковороды соседей в Великий пост. Этот срыв окончился почти шестилетним самоотлучением от Церкви, причастия и глубоким кризисом веры.

Существование и вариативное расширение мифа вокруг живой личности после её ухода, несомненно, свидетельствует нам о герое. Примечательно, что лирическим героем поэзии Охупкина стал хитроумный Улисс, который появился в ранней поэме «Возвращение Одиссея» и далее эволюционировал, переходя «от силы к силе», уже в христианском контексте. Здесь нет никакой культурной натяжки, таков ключ к пониманию всей поэзии Охупкина.

С этим согласен и главный анархист литературного подполья 1970-х Константин Кузьминский, для которого Олег Охупкин, по собственному его признанию, стал «одним из основных героев» его «Голубой лагуны»: *«Церковный певчий / мальчиком /, пролетарий, крещёный, русак, красавчик, баритон, гигант, / графоман /, отшельник Сосновой Поляны — отщепенец, изгой, и — геолог, строитель и грузчик, археолог / сегодня /, а завтра — музейный рабочий / вчера /, для стихов — вечера, бесконечные ночи, уродливый почерк / в нём — мощь /, ближе к Греции, к Риму, языческим скифским векам, но поверено всё — христианством. Не юрод, но трубно орёт, мощь и вещь, дактилический певчий размах, 200 строчек — тишок, так у Волги круты берега, через горы дорога на юг.*

Охупкин — трубный глас, он вскормлен отрубями, трудом / российским, подневольным, крепостным /, трус, как свойственно всем силачам, он трудник, инок, звать его — Олег».

Мифологема Кузьминского, которую по своему интерпретировал и Сергей Довлатов (см. «Записные книжки»), сводилась к формуле: «Охупкин — херувим, но зато с каким...!» Не будем стыдливо отворачиваться от этой дерзкой формулы. Игра, эпатаж были повседневностью в среде новой питерской богемы. Охупкин к ней не принадлежал, но в игру иногда, по случаю, включался. Справедливости ради надо отметить ещё одного поклонника этой остроумной формулы — старинного друга Охупкина, художника Михаи-

ла Шемякина (см. серию фотографий Шемякина в духе рыцарского эскапизма в его мастерской в 1960-е годы). Карнавальность, барочная многоликость собраний в мастерской Шемякина определили и характер поэмы О. Охупкина «Душа Петербурга» 1969 года, проиллюстрированной Шемякиным и впервые изданной им в альманахе «Аполлон» (в этом сборнике — её первое переиздание).

Сам Олег Охупкин к бытованию этих мифов относился с юрочивой весёлостъю. О диагнозе, с которым он неоднократно попадал в психиатрическую лечебницу — «религиозно-сексуальный психоз», — он любил напомнить своим интеллигентным собеседникам. В среде же мещанской и вовсе вёл себя эпатажно, в блаженной простоте посрамляя ценности мира сего. Это совмещение, казалось бы, несовместимого, блестяще отражено в небольшой гротесковой повести петербургского прозаика Александра Завьялова «Житие простодушного Охупкина» (альманах «Русский мир», № 1, 2008).

Первые поэтические опыты относятся к шестнадцатилетнему возрасту, но они не сохранились. Свой отсчёт как поэта Олег Охупкин вёл с двадцати двух лет, с года смерти Анны Ахматовой, которая для молодых поэтов была не просто реликтом Серебрянного века, но образцом жреческого служения поэзии, которое обрекало человека в миру на нищету и одиночество. В 1966 он принял окончательное решение оставить занятия музыкой (он учился в это время на вокальном отделении музыкального училища им. М. П. Мусоргского) ради поэзии. Большое влияние на становление его поэтики оказала дружба с Иосифом Бродским до отъезда последнего из страны в 1972 году. Справедливости ради надо сказать, что это был взаимообмен. Охупкин, который был моложе Бродского всего на четыре года, всегда воспринимал его старшим, но не по возрасту, а по зрелому бесстрашию, с которым Бродский входил в мировую поэзию и в жизнь. Олег восхищался его внутренней свободой. Иосифа, который в философском плане был ближе к агностицизму, очень интересовала живая христианская традиция, носителем которой с детства был Олег. По следам личного религиозного

опыта Охепкина Бродский написал ряд стихотворений, среди которых наиболее яркое, быть может, «Сретенье». Свою четвёртую книгу стихов «Моление о Чаше» 1970 года Охепкин посвятил Бродскому.

За период с 1966 по 1972 год Олегом Охепкиным было написано шесть поэтических книг, по 50–60 стихотворений каждая («Ночное дыхание», «Возвращение мест», «Душа города», «Моление о Чаше», «Времена года», «Посох»). Из них опубликовано в официальной печати не больше десяти стихотворений, в самиздате, возможно, три десятка. Особенно жалко на этом фоне выглядят антологии «молодых» поэтов, чьё творчество представлялось двумя-тремя текстами (сборники «Молодой Ленинград», «Круг» и пр.). Пока партийная цензура вымарывала отдельные слова и запятые, за окнами их кабинетов наступал Бронзовый век русской литературы, который по составу авторов, определивших его лицо, практически совпал с «удушенным» поколением семидесятников. Термин «Бронзовый век» — плод коллективных поисков, но сформулировал его именно Охепкин в небольшой одноименной поэме, которой заканчивается первая часть этой книги.

После отъезда многих друзей, которые в идейном отношении были западниками и прививали «идуущим за ними» вкус к новейшей европейской культуре, жизнь в двух столицах знаменуется поворотом к почвенничеству (в Москве, конечно, в большей степени). Появляются религиозно-философские семинары и соответствующие им самиздатские журналы, такие как «37», «Община», «Обводный канал» и другие. Охепкин участвовал везде, был «связным» между московским и питерским андеграундом. Своё назначение поэта в те годы он понимал гражданственно:

«Андропов недаром придумал эту третью эмиграцию. Помню его статьи в центральной прессе: он писал, что это отщепенцы, надо от них избавиться. Раз им что-то здесь не нравится — пускай уезжают. Но не всякий хотел уехать: кто махал рукой, а кто-то сопротивлялся. Как я, например: я до последнего сопротивлялся. Мне не то что нравилось жить здесь, но я понимал: я поэт, кому я там нужен, в эмиграции. Есть тамиздат, но я лишён буду воздействия

на моих современников в моей стране. Есть там русскоязычные эти самые радиостанции, но этого мало. Солженицын вернулся сюда именно поэтому. И если бы даже меня выдворили, я вернулся бы так же, как Солженицын, потому что дело поэта, дело врача — у постели больного, его долг. Вот наша страна, как они сами утверждают, больна, её надо лечить. Но они считают, что лечить её надо психиатрией, а я считаю, что лечить её надо литературой, философией, богословием, правозащитным движением...» (из интервью Олега Охапкина члену общества «Мемориал» Екатерине Смирновой в 2006 году).

В этот период Охапкин становится литературным редактором журнала «Община» (печатный орган религиозно-философского семинара В. Пореша и А. Огородникова), окончательно вступив на путь самиздата. Справедливости ради надо сказать, что «Лениздат» предложил ему в 1974 году выпустить книгу, но потребовал множество «принципиальных» изменений, на которые он не мог согласиться, и его издательская судьба была решена. Участие в семинаре подвигло его к поиску нового языка для передачи уникального опыта, который сегодня назван «новым религиозным возрождением» в России. Этот подлинный Ренессанс веры произошёл не теперь, а именно тогда, в конце семидесятых, когда за открытое признание себя христианином давали тюремные сроки. Охапкин не попал на зону, как Владимир Пореш, Александр Огородников, профессор французской филологии Татьяна Щипкова, но был признан невменяемым с формулировкой: «здоровый человек в Бога верить не может». Тексты данного периода представлены во второй части этой книги.

1980-е годы — время «третьего тома», и снова поиск языка, который был бы «наиболее адекватным тому внутреннему миру и человеку, который ныне преобразается...», — писал он в 1982 году. С началом «перестройки» всегда общественно активный Охапкин, в противоположность общему социальному оживлению, уходит от дел и посвящает всё время своему внутреннему человеку. Огромный корпус текстов этого периода можно назвать «чистой духовной поэзией» — такой, какой она сложилась в европейской культуре и практически